

Он был ещё молод, и впереди у него была долгая жизнь. После совершеннолетия он стал управляющим в «Да Саньюане», но не интересовался разгульной жизнью богатых бездельников. Что касается военных лет, в его памяти не осталось ни порохового дыма, ни взрывов, только бесконечные ссоры и примирения с Ань Вэймином. И так снова и снова. Думая об этом, он понимал, что оставшаяся жизнь будет лишь мукой. Часто у него возникали мысли о самоубийстве, но в глубине души он не хотел умирать, даже если Ань Вэйминь пропал без вести.

Фэн Юцяо действовал быстро. Утром Цзинь Луаньдянь передал ему фунты стерлингов, а уже днём он отправился в Нанкин. Разведав обстановку, он бесшумно убил князя-завоевателя Юэ с помощью пистолета с глушителем и незаметно вернулся в Шанхай.

Собрание по расформированию войск уже проводилось дважды. Князь-завоеватель Юэ был уважаемым старым генералом, чьё положение и авторитет нельзя было недооценивать. Он первым выступил против сокращения армии, несколько раз срывая собрания и создавая напряжённую обстановку, что ставило главнокомандующего в неловкое положение.

После смерти князя-завоевателя Юэ все были в панике. Военачальники начали подозревать друг друга, считая, что главнокомандующий убил его в качестве предупреждения, и в любой момент пуля могла достаться и им. Одни притворились больными, другие поспешили уехать, все стремились вернуться на свои территории.

Положение стало критическим, и Тан Хуаньхоу получил приказ созвать экстренное собрание, чтобы успокоить людей. Он выразил соболезнования в связи с гибелью генерала Юэ, заявив, что центральное правительство обязательно найдёт виновных и обеспечит безопасность участников собрания. Кроме того, сейчас был важный момент для очищения от остатков Бэйянской клики, перераспределения сфер влияния и укрепления центральной власти. Главнокомандующий не стал бы рисковать, и, если подумать, кто-то хотел использовать смерть генерала Юэ, чтобы сорвать собрание. Это было ужасное преступление!

Остатки Бэйянской клики хотели сорвать собрание, и те, кто выступал против расформирования войск, тоже хотели его сорвать. Эти слова указывали на то, что все были подозрительны и могли быть убийцами. Военачальники, оценив ситуацию, поняли, что оставаться в Нанкине было опасно, и Цзинь Ванькунь выступил вперёд, заявив, что сейчас важно достойно похоронить генерала Юэ.

Собрание по расформированию войск снова было прервано. Главнокомандующий лично присутствовал на похоронах князя-завоевателя Юэ, посмертно присвоив ему звание генерала первой степени Китайской Республики и устроив пышные похороны. Кроме того, Юэ Гуаньшаню предложили должность председателя Военного комитета, но тот кратко отказался:

— Не справлюсь.

Компенсация была бесполезной. Ему нужна была только правда. Долг нужно возвращать, а за убийство надо платить жизнью. Это было естественно. Если ему не восстановят справедливость, он поднимет восстание!

Когда похороны закончились, жена Юэ осталась в зале, читая молитвы и тихо плача. Князь-завоеватель Юэ имел много врагов, и этот день рано или поздно должен был наступить, но никто не ожидал, что это произойдёт так внезапно.

Юэ Гуаньшань с момента получения известия о смерти отца до проводов этих лицемерных чиновников не проронил ни слезинки. Но, увидев одинокую и скорбную фигуру матери, он не смог сдержаться. Подойдя к ней, он опустился на колени на холодный пол и зарыдал, словно только что узнал о потере:

— Мама! Мама! Папы больше нет! Нет! Я обязательно отомщу за него!

Мать, с каменным лицом, обняла Юэ Гуаньшаня, мягко поглаживая его спину, и со слезами на глазах произнесла:

— Гуаньшань, мой сын, это судьба. Око за око, зуб за зуб — когда это закончится?

Юэ Гуаньшань выплакался в объятиях матери. Когда он вышел из зала, Лун Юйлинь ждал его у входа в дом Юэ.

Юэ Гуаньшань равнодушно спросил:

— Почему ты ещё здесь?

Лун Юйлинь, увидев его заплаканное лицо и опухшие глаза, осторожно сказал:

— Я пришёл попрощаться. Непредсказуемы превратности судьбы. Прими мои соболезнования.

В глазах Юэ Гуаньшаня ещё оставались слёзы, выражая усталость и печаль. Он безэмоционально ответил:

— Не надо притворяться.

Хотя они друг другу и не нравились, но со временем между ними появилась какая-то связь. Лун Юйлинь хотел утешить его, но Юэ Гуаньшань не принял этого. Лун Юйлинь упорно следовал за ним:

— Куда ты идёшь?

Юэ Гуаньшань сухо ответил:

— По нужде.

Лун Юйлинь положил руку на его плечо:

— Я тоже.

Юэ Гуаньшань отмахнулся:

— Мы с тобой не совместимы.

Лун Юйлинь остановился:

— Ты раньше хотел взять армию Гэ, генерал Тан уже одобрил. Теперь я буду под твоим командованием. Надеюсь, ты не будешь держать зла за прошлое. Ты когда-то одолжил мне войска, и я с радостью буду служить тебе.

Юэ Гуаньшань не ответил. Лун Юйлинь сделал два шага вперёд и снова остановился:

— Тогда я пойду. Береги себя.

Юэ Гуаньшань наконец повернулся, достал из кармана конверт и протянул ему:

— ... Передай ему.

Лун Юйлинь взял конверт. Юэ Гуаньшань продолжил идти, больше не оглядываясь.

А Шэнь Хуайчжан в это время наслаждался жизнью на Шанхайской набережной, когда из Нанкина пришло известие о роспуске собрания из-за убийства князя-завоевателя Юэ. Его не интересовала чужая смерть, он лишь спросил о судьбе армии Гэ. Он уже договорился с Ли Цзинчэном, но Юэ Гуаньшань перехватил инициативу. Теперь, когда у того случилось горе, Шэнь Хуайчжан решил, что эта поездка была напрасной. Однако он всё же не уехал с пустыми руками: если вербовка армии Гэ была для Шэнь Чжэнжуна, то близость с Бай Хунци была для его собственного удовольствия.

Лун Юйлинь, покинув Нанкин, вспомнил о Бай Хунци и не решился вернуться в Шанхай. Он колебался на платформе, но в итоге решил отправиться в Бэйпин, мотивируя это тем, что нужно всё объяснить дяде Гэ.

В переулке Дунсы Шицзиньюань, в доме Гэ, водитель пытался усадить Лун Тянься в машину. Лун Тянься, болтая ногами, ударил щиколоткой о край машины, и его туфля упала.

Цзяцзя, одетая в цветное платье, стояла у машины с зонтиком. Увидев это, она наклонилась, подняла туфлю и положила её рядом с ногой Лун Тянься. Тот ласково улыбнулся:

— Малышка, садись в машину, чтобы не попасть под солнце.

Цзяцзя было двенадцать-тринадцать лет. Она выросла в глубоком дворе и никогда не выходила из дома. Её тонкие черты лица постепенно становились более выразительными, но выражение лица часто было растерянным. Она выросла с Гэ Цзюсяо и была к нему очень привязана. Но, как говорится, сын должен избегать матери, а дочь — отца. В последние годы Цзяцзя начала взрослеть, и Шэнь Хуэйчжэнь запретила ей всё время приставать к Гэ Цзюсяо.

Гэ Цзюсяо собирался отвести Лун Тянься в театр, но Цзяцзя не могла пойти. Она не любила многолюдные места, где её считали странной. Некоторые говорили, что она была белой с головы до ног, даже брови и волосы были белыми, как у ведьмы.

Цзяцзя обернулась и увидела, что Гэ Цзюсяо вышел. Она посмотрела на него, затем с грустью вернулась в дом.

Гэ Цзюсяо наблюдал за её хрупкой фигурой, слегка вздохнул и сел в машину, сказав Лун Тянься:

— Брат Лун, Цзяцзя не хочет выходить. Когда Юньшу начнёт учёбу, я отведу Цзяцзя к западному врачу. Я никак не могу понять, почему у неё такая странная болезнь. Мне её очень жаль.

Гэ Цзюсяо обманывал себя. Гэ Юньшу, студентка медицинского университета, уже говорила, что болезнь Цзяцзя неизлечима. Лун Тянься слегка поднял руку, его тело было дряблым и бесформенным, и он мягко похлопал Гэ Цзюсяо по ноге:

— Малышка выросла здоровой. Даже если ты умрёшь, она будет жить хорошо.

Гэ Цзюсяо не понял, было ли это комплиментом или упрёком, и с обидой посмотрел на Лун Тянься:

— Брат Лун...

Они разговаривали, когда Лун Юйлинь вышел из рикши и подошёл к машине, постучав в окно:

— Папа, дядя, куда вы? Дядя дома?

Лун Тянься высунул голову из окна, лицом к лицу с ним:

— Вернулся. Дома скучно, идём в театр. Этот старый черепаха словно впал в медитацию. Не беспокой его, а то он может сойти с ума.

Гэ Цзюсяо добавил:

— Брат увлёкся чтением молитв и даже думает стать монахом.

— Монахом? — Лун Юйлинь засмеялся. — Холостяк, он и так похож на монаха.

Лун Юйлинь уверенно вошёл в дом Гэ, где ему не избежать встречи с Гэ Юньшу. Раньше она категорически отказывалась выходить за него замуж, но теперь, после летних каникул, полностью изменила своё мнение.

После поражения Гэ Цинъюня семья Гэ была заклеена как остаток Бэйянской клики, и её

парень в университете изменился до неузнаваемости. Она спросила его: «Кого он любит? Её или её знатное происхождение?» Парень лишь сказал, что она деградирует, и что брак по договорённости — это оскорбление цивилизованного образования. Он не только отказался обсуждать с ней планы, но и предложил расстаться, начав ухаживать за дочерью генерала Гоминьдана.

<http://bllate.org/book/15577/1386878>